

Трельс-Лунд

**Небо и мировоззрение в
круговорот времен**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 52
ББК 22.6
Т11

Т11 **Трельс-Лунд**
Небо и мировоззрение в круговорот времен / Трельс-Лунд – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 242 с.

ISBN 978-5-458-66039-6

Перевод с немецкого.

ISBN 978-5-458-66039-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Проф. ТРЁЛЬС-ЛУНДЪ
въ Копенгагенъ

Н Е Б О
и МІРОВОЗЗРѢНІЕ
ВЪ КРУГОВОРОТѢ ВРЕМЕНЪ

Переводъ съ нѣмецкаго

Одесса 1912

ОДЕССА

Типографія „Техникъ“, Екатерининская, № 58.
1912.

НЕБО и МІРОВОЗЗРѢНІЕ

ВЪ КРУГОВОРОТѢ ВРЕМЕНЪ

ВВЕДЕНИЕ

Въ рядѣ предшествовавшихъ сочиненій я старался показать, какъ являлись на свѣтъ, жили, одѣвались, ѣли и пили, вступали въ бракъ и жили въ бракѣ люди XVI столѣтія въ трехъ сѣверныхъ государствахъ Европы. Лишь одно изъ этихъ сочиненій („Обыденная жизнь Скандинавіи въ XVI вѣкѣ“, Копенгагенъ 1882) появилось и въ переводѣ. Въ настоящей книгѣ я намѣренъ заняться другою, болѣе важной и трудной задачей. Я хочу выяснитъ, какъ смотрѣли на жизнь люди той эпохи, какимъ колоритомъ были окрашены въ тѣ времена человѣческія отношенія и сама человѣческая дѣятельность. Подобная попытка, насколько мнѣ извѣстно, дѣлается впервые, а между тѣмъ это изслѣдованіе имѣетъ не только мѣстный, но и общечеловѣческій интересъ. Если я правильно поставилъ задачу и если мой способъ ея рѣшенія вѣренъ, то это можетъ расширить рамки историческаго изслѣдованія культуры и упростить его разработку. Вотъ почему я предлагаю это изслѣдованіе вниманію не только моихъ соотечественниковъ, но и иностранныхъ читателей.

Уже самая формулировка задачи представляетъ трудности. Но всякій, кто самъ прошелъ извѣстное развитіе, непосредственно чувствуетъ, что каковы бы ни были внѣшнія условія сами по себѣ, въ различныя времена на нихъ падаетъ различное освѣщеніе, которое придаетъ одной и той же вещи каждый разъ новый обликъ. Какъ одна и та же мѣстность представляется глазу различною днемъ и ночью, а равно кажется неодинаковой одному и

тому же лицу въ различномъ возрастѣ, такъ и рядъ поколѣній смотритъ на одну и ту же вещь неодинаково. Въ этомъ различіи, въ сущности, и заключается глубочайшее содержаніе исторіи. Глядѣть лишь на внѣшнюю сторону вещей и ограничиваться внѣшними, осязательными измѣненіями значитъ удовлетворяться лишь незначительною степенью пониманія. Изъ своего личнаго опыта мы знаемъ, что настоящее объясненіе данныхъ явленій, опредѣляющее ихъ внутреннюю цѣнность, тѣсно связано съ ихъ освѣщеніемъ.

Эту летучую эссенцію исторіи представляетъ взаимодействие между каждымъ поколѣніемъ и окружающими его условіями; это — запахъ и цвѣтъ, который былъ свойственъ историческимъ явленіямъ, когда они еще трепетали жизнью и не успѣли попасть — высушенные и спрессованные — въ гербарій исторіи. Основываясь на томъ, что сохранилось изъ того времени, можно попытаться представить себѣ эти краски и благоуханіе, можно воссоздать настроеніе, которое нѣкогда вызывали комнаты, домашнее убранство и т. п. Насколько такое воспроизведеніе несовершенно, знаетъ, конечно, всякій, кто наблюдалъ, какъ индивидуально настроеніе. Видимое зависитъ отъ глазъ, которые смотрятъ, и мы именно и желаемъ знать, что видѣли наши предки.

Будущая исторія нашего времени найдетъ хорошее вспомогательное средство въ нашей литературѣ. Изъ современныхъ романовъ, стихотвореній, назидательныхъ, популярныхъ и научныхъ сочиненій незнакомое, но чуткое ухо сумѣетъ когда-нибудь выдѣлить основной тонъ нашего времени и будетъ имъ руководиться при объясненіи явленій. Но XVI столѣтіе не было столь литературнымъ. Лишь въ весьма слабой степени и весьма несовершенно умѣло оно выражать свои мысли и настроенія въ печати. Къ этому присоединяется и второе, еще болѣе важное препятствіе. Въ XVI столѣтіи завершился циклъ идей, которыя глубоко разнились отъ нашихъ; оне закончило собою тысячелѣтній этапъ человѣческой исторіи, передъ которымъ наше время стоитъ холодное, чуждое и недоумѣвающее. Поэтому, еслибы даже удалось добыть изъ глубинъ всѣ

литературныя отраженія настроеній той эпохи, то весьма вѣроятно, что мы всетаки не сумѣли бы правильно истолковать ихъ. Съ ними произошло бы то же, что происходитъ съ обитающими въ глубинахъ морей рыбами, когда ихъ извлекаютъ на поверхность, гдѣ онѣ получаютъ неправильныя, искаженныя формы, такъ какъ ихъ плавательный пузырь, приноровленный къ опредѣленному высокому давленію, на поверхности раздувается и измѣняетъ очертанія животнаго.

Такимъ образомъ, все то, что мы ищемъ въ XVI столѣтіи, мы не можемъ уловить на поверхности. Для этого у него недостаточно формъ выраженія, а у насъ — сочувствующаго пониманія.

Міровоззрѣніе той эпохи можно возсоздать лишь въ томъ случаѣ, если мы станемъ изучать его, какъ растеніе, съ корня, изслѣдуя, какъ и почему оно возникло. Подобно растеніямъ, мысли и настроенія той эпохи выросли на почвѣ, удобренной тысячелѣтіями; они были продуктомъ мысли многихъ поколѣній и черпали пищу не только въ верхнихъ, современныхъ имъ, но и въ болѣе глубокихъ слояхъ. Подобно растенію, ихъ надо изучать во всей ихъ цѣлости, а не по отдѣльному оторванному цвѣтку.

Указываемый такимъ образомъ путь представляется однако еще болѣе труднымъ. Чтобы уловить настроеніе XVI столѣтія, мы должны не срывать его отдѣльные побѣги, а прослѣдить весь его ростъ отъ самаго корня, т. е. отъ зари человѣчества, черезъ всѣ эпохи. Такъ какъ намъ трудно погрузиться въ глубь трехъ вѣковъ, то намъ приходится спуститься на цѣлыя тысячи лѣтъ.

При такой постановкѣ, задача, конечно, оказывается неразрѣшимой. Но значительно урѣзавъ ея рамки, мы все же можемъ достичь нѣкоторыхъ результатовъ, получить нѣкоторыя общія указанія. Гдѣ приходится измѣрять столь большія глубины, приходится прибѣгать къ большимъ мѣрамъ и оставлять много мѣста недостоверному.

Но прежде всего мы должны отдать себѣ ясный отчетъ, что мы желаемъ узнать и насколько это достижимо.

Вопросъ, который мы желаемъ разрѣшить, гласить: какую представлялась жизнь въ глазахъ людей XVI столѣтія

на сѣверѣ Европы? Въ какомъ свѣтѣ они видѣли все окружающее, всѣ великія и малыя событія: жилую комнату, пищу, ежедневную работу, будничныи и праздничныи дни, развлечения, несчастные случаи, здоровье, жизнь и смерть? Рѣчь идетъ не о взглядахъ единичнаго лица, ученаго или образованнаго, старика въ противоположность молодому человѣку, а о томъ, какъ рисовалась одна и та же вещь всѣмъ — съ большей или меньшей отчетливостью. И если этотъ общій колоритъ того времени отличался отъ нашего, то каковъ онъ былъ: простой или сложный, на подобіе зеленого цвѣта, который состоитъ изъ синяго и желтаго цвѣтовъ? Какъ онъ возникъ, какъ складывался съ теченіемъ вѣковъ и почему онъ долженъ былъ исчезнуть, уступивъ свое мѣсто другому?

Полнаго отвѣта на эти вопросы, какъ уже сказано, мы не должны ожидать, но разъ мы ставимъ необычныя, хотя и вполнѣ умѣстныя, вопросы, мы должны вооружиться надлежащими средствами для ихъ рѣшенія. Гдѣ приходится извлекать отвѣты изъ такихъ глубинъ и слѣдить за развитіемъ явленій отъ самыхъ зачатковъ, тамъ мы должны облегчить задачу, сведя ее къ простѣйшей формѣ.

Соотвѣтственно этому мы будемъ разсматривать чело-вѣческую природу и исторію ея развитія въ болѣе простыхъ формахъ. И слѣдя за этими формами въ глубь времени, мы постараемся уловить общія черты послѣдовательныхъ смѣнъ настроеній, прослѣдимъ за барометромъ настроенія, отвѣчавшимъ данному уровню понятій и ихъ предпосылокъ.

Мы будемъ при этомъ исходить изъ взгляда, что свѣтовые ощущенія и чувство мѣста представляютъ собою двѣ первоначальныхъ и основныхъ формы проявленія чело-вѣческаго интеллекта. По этимъ двумъ путямъ главнымъ образомъ и направляется духовное развитіе индивидуума и рода. Здѣсь во всякое время черпаются отвѣты на три великихъ вопроса, которые бытіе ставитъ каждому изъ насъ: Гдѣ ты находишься? Что ты собою представляешь? Что ты долженъ дѣлать?

Другими словами: для каждаго обитателя темной планеты, называемой землею, смѣна свѣта и тьмы, дня и ночи

представляет первоначальный импульсъ и конечный объект его мышления. Не только наша земля, но и мы сами, наше собственное духовное Я, от нашего перваго миганія передъ лучомъ свѣта до нашихъ высочайшихъ религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ, созданы солнцемъ и питаются имъ. Солнце просвѣчиваетъ сквозь нашу рѣчь, когда мы говоримъ о богѣ свѣта и о теплотѣ любви. Непрерывно прогрессирующее сознаніе различія между днемъ и ночью, свѣтомъ и тьмою представляет собою внутренній нервъ развитія всей человѣческой культуры.

Рѣшающимъ факторомъ въ этомъ развитіи, а равно вѣрнымъ его показателемъ является присущее каждому, въ той или иной мѣрѣ, чувство мѣста. Сюда относятся не только непосредственныя переживанія, связанныя съ клочкомъ земли, на которомъ каждый выросъ, но и надстроенныя на нихъ представленія и выводы. Наиболѣе яркимъ проявленіемъ этого чувства служить опредѣленіе разстоянія. И наибольшимъ разстояніемъ, съ которымъ человѣку придется считаться, является разстояніе между небомъ и землею. Въ различныхъ опредѣленіяхъ, которыя даются этому разстоянію различными эпохами, мы имѣемъ нагляднѣйшій масштабъ ихъ духовнаго развитія и различія ихъ міровоззрѣній. Между ребенкомъ, который тянется къ лунѣ рученками, и взрослымъ, которому извѣстна орбита этого свѣтила, лежитъ весь путь, пройденный современнымъ человѣчествомъ. И каждое значительное измѣненіе религіознаго или нравственнаго міровоззрѣнія обусловлено болѣе или менѣе сознательно измѣненіемъ во взглядахъ на разстояніе между небомъ и землею. Разумѣется, не всегда это разстояніе выражается въ мѣрахъ длины — гораздо чаще оно облекается въ образную форму.

Нашими средствами и масштабами послужаютъ свѣтовыя впечатлѣнія и опредѣленія разстояній. Нашъ методъ восходитъ, насколько возможно, къ началамъ человѣческой культуры и постоянно стремится отвѣтить на одни и тѣ же вопросы: какова была окружающая природа и въ особенности условія солнечнаго освѣщенія на томъ клочкѣ земли, о которомъ идетъ рѣчь? Какъ понимали эти люди отношеніе между днемъ и ночью, свѣтомъ и тьмою? Какое

разстояніе, а въ зависимости отъ этого — какое взаимодействіе признавалось между небомъ и землею? Такимъ образомъ мы надѣмся получить нѣсколько цѣнныхъ указаній на общія черты жизненныхъ настроеній и ходъ ихъ развитія.

Быть можетъ, нашъ уловъ будетъ весьма невеликъ, но другого пути повидимому нѣтъ. Колоритъ жизни, историческое развитіе котораго мы стараемся прослѣдить, представляетъ собою не сумму прихотливыхъ отблесковъ, а результатъ взаимодействія между свѣтомъ неба и зеркаломъ человѣческой мысли. Отраженіе перваго во второмъ создаетъ игру настроенія. И какъ въ человѣческомъ жилищѣ исторія окна послѣдовательно шла отъ сплошной стѣны къ отверстію, кожаной заслонкѣ, стеклу, такъ и въ человѣческомъ умѣ лишь постепенно создавались свои окна.

Этотъ процессъ образованія свѣтовыхъ оконъ въ человѣческомъ умѣ мы и хотимъ изучить. Мы хотимъ измѣрить все возрастающій уголь, которымъ человечество мѣряло высоту неба. Но насъ интересуютъ, конечно, не эти окна сами по себѣ, не ихъ математическіе размѣры, а та сумма свѣта, которая могла проникать черезъ нихъ въ человѣческую мысль, потому что только послѣдняя насъ и занимаетъ. И если мы слѣдимъ, какую дугу чертятъ на небѣ ножки умственного циркуля, то мы дѣлаемъ это только для наглядности, такъ какъ знаемъ, что дуга соотвѣтствуетъ размѣрамъ угла. Но насъ занимаетъ только вершина угла, тотъ воспріимчивый взоръ, который здѣсь, на землѣ, ловитъ все, что попадаетъ въ рамки угла. Отъ освѣщенія, контуровъ и тѣней, воспринимаемыхъ этимъ взоромъ, и зависитъ картина жизни, какую видитъ данное поколѣніе.

Итакъ, мы стремимся опредѣлить не очертаніе вещей, но ихъ колоритъ, блескъ, тонъ. Въ каждой эпохѣ насъ интересуютъ не ея научные результаты, а ~~нѣчто~~ такое, что лежитъ впереди и позади ихъ, общее настроеніе, та неподвижная полуденная атмосфера, въ которой познаніе, чувство и воля сливаются воедино, ~~все время~~ готовые снова раздѣлиться. Мы стремимся уловить отблескъ всей жизни, отраженный, подобно свѣту, въ глазу отдѣльныхъ поколѣній, ту точку души, гдѣ религія и нравственность, наука, искусство и творчество сливаются въ единый пучокъ, лучи ко-